

Abstract of
"The Failure of Dialectical Theory: The Inevitability of War"

Robert Ginsberg
The Pennsylvania State University, USA

*Contributed Paper to Section 16, Philosophy of History,
XIX World Congress of Philosophy, Moscow, Russia, 22-28 August 1993*

Dialectical theories reserve a revolutionary role for war in the unfolding process of history, in that war is capable of replacing an institution or a system of thought with its opposite. Therein lies the supposed necessity of war to meaningful history, for people would not abandon their privileged position to adopt a contradictory one unless forced to. History cannot rest content with incompleteness, so the theory goes. Yet the outcome it moves to is ironically opposed to the method it requires for its accomplishment: history seeks peace by means of war.

Three dialectical fashions of conceiving of the goals of history are (1) a spiritual paradise on earth (associated with Judaic, Christian, and Islamic traditions); (2) an intellectual realm of Reason on earth (a Hegelian view); and (3) a material realm in which no classes or states exist to oppress people (the aim of Communism). Proponents of each of these views make efforts to modify the necessary showdown of Final War. But each revision contradicts its foundations. Dialectical theories of history that turn on war as the engine of process lead to world destruction. We must abandon the theories or abandon the world. Dialecticians of the world unite! You have nothing to lose but the chains of your theories.

SUMMARY

"A Common Vocation: Humanity as a Moral Species"

Section 16: Philosophy of History

Professor Sharon Anderson-Gold

Rensselaer Polytechnic Institute

Troy, New York, USA

This paper claims that Kant's ethical-anthropology as developed in the Religion Within the Limits of Reason Alone can provide a conceptual bridge between his philosophy of history and his ethics proper. Kant's concept of the "human condition" is developed in response to the problem of moral evil. The overcoming of moral evil and the attainment of the highest good are shown to be a social task which defines for humanity a "common vocation". This common vocation in turn is the conceptual foundation of Kant's philosophy of history which provides a guiding vision for humanity's moral development. Such a vision is greatly needed to assist mankind in facing current historical transformations.

Paper to be presented at the XIX World Congress of Philosophy in Moscow, 22. to 28. August, 1993. Martti Silirala, MD/ The Finnish Philosophical Association/ Helsinki/ Suomi-Finland:

Among which historical formations, processes and events should we locate the generation, reign and collapse of the Soviet system?

What is it that constitutes its present challenge to mankind?

The historical formation the basic human structure of which closest resembles that of the Soviet communism is the one of the medieval Roman Church and within it especially the trend of it which was embodied by Inquisition.

That the Soviet system was led to that kind of track, had to do with blindness in regard to cartesianism as an heir of the medieval Roman church and to it as the very embodiment of man's selfexploitation.

The two great emancipatory thinkers of modern times, Karl Marx and Sigmund Freud both were blind in this respect. That proved fatal to the shape of their truly prophetic insights. In the case of Marx concerning the roots of the utterly inhuman and destructive practice of exploitation that accompanied the industrialization. In the case of Freud ~~the~~, again, it broke the connection between individual and social pathology.

The collapse of the Soviet system, as to its basic structure and human significance, is comparable in the history with the process of Reformation. It was the irresistible power of certain basic human values – that could not any more be systematically neglected. Among them are immediately discernible the respect to each man's and socio-cultural groups own way of experiencing, i.e. something on which democracy is based, and to at least minimal adherence to truthfulness instead of treating it as means to ends.

All this implies that the collapse of the Soviet system does not fundamentally signify the victory of capitalism or that of the countries calling themselves "the free world". That this tends to represent the main line in the response by the non-socialist world, and reduced to strategic exploitation of the overturn, is fatal, as far as no awakening takes place in relation to the challenge that here concerns the whole of mankind. It is the question of whether the auspicious moment, the *kairos* is recognized and responded to or not.

Such are the main lines and layers of the analysis by a physician-psychologist-philosopher, an analysis that contains elements of philosophy of history, of religion, of epistemology and philosophical anthropology. Cartesianism will be illustrated by the author through diapositives on drawings by an artist-caricaturist who arrives in them at a diagnosis of his time.

Section N 16 Philosophie de l'histoire. Pres. G. German (Grande Bretagne)
Vasily M. Zhelnov (Жельнов В.М.) Université de L'Etat de Moscou, l'étudiant
"Historicitaire", "historique" et "historicisme" dans la philosophie
de l'histoire de M. Heidegger et M. Mamardachvili

1. Ces deux philosophes sont phénoménologues, mais appartiennent à des courants polaires. M. Heidegger est le créateur de la philosophie de "l'être le là" (Dasein) comme sens terminé de l'être, déterminant "l'événement" (Ereignis). M. Mamardachvili au contraire développe la philosophie de "la conscience le là" comme création permanente de "la conscience" (un effort de la pensée dans la culture).

2. Pour la philosophie de l'histoire de M. Heidegger l'essence profonde de "l'historicitaire" est "un événement de l'être", c'est ce que l'homme de l'occident a oublié. Il ne possède que "l'historique", superficiel, ce qui a abouti à l'apparition d'un processus "se dévorant" lui-même, préférant la mort au refus de l'auto-affirmation. C'est seulement "la parole-légende" et "l'oreille" qui sont capables de répondre à l'appel de l'être digne de l'interrogation et de l'interrogeur. L'élimination du problème de la conscience a poussé M. Heidegger vers "l'historicisme".

3. La philosophie de l'histoire de M. Mamardachvili ne constate pas des schémas du développement mondial, mais elle s'incline plutôt vers "le déchiffrement" de ce qui se passe. L'humanité se trouvant habituellement hors de l'histoire ne devore que des lueurs de l'histoire, où seul le niveau des passions comme symboles historiques agit. La culture - c'est le savoir vivre sur le volcan de l'inconnu.

4. M. Heidegger est pour "l'historicitaire" comme "l'événement de l'être" il est contre le superficiel, "l'historique", mais il est en proie à "l'historicisme". M. Mamardachvili s'appuie justement sur "l'historique" comme l'art de "la conscience le là de la conscience" et aussi comme sur une source du courage de l'impossibilité de vivre "à propos". Il ne s'approche de "l'historicitaire", mais il tâche de s'éloigner de "l'historicisme".

HAN VALERY SERGEEVICH. Ass. Prof. Tashkent State University of Economics (Uzbekistan). Section N 16: "Philosophy of History".

MANKIND ON THE BRINK OF EPOCHS: HOPES AND PERSPECTIVES

In the 20th century all spheres of human entity - nature, economy, policy, family etc - are qualitatively transformed forming the new realities (structures and tendencies for development). Many signs point to coming of the new epoch, including other modes of being and thought.

The change of epochs is a result of the crisis that has enveloped both global, planetary aspects of humanity existence (society in its entirety) and its special forms (concrete models of social life order). And the main trend of new epoch foundations' search will be finding of such forms of being where the HUMAN would become the deep essence of humanity itself.

A new mode of culture being will be characterized by growing of human measurement of social and natural processes. In the 20th century the role of a man and a human in fortunes of civilization for the first time is being realized on a world scale. It is an evidence of intensive development of democratic institutions (a man is involved in management of social processes), ecological movements (fight for surroundings of inhabitancy and survival of a man), washing out of national state borders (internalization of geographical space, economic, political and spiritual life of a man), globalization of the consciousness (becoming of responsibility of a man for the fortunes of civilization).

With all its pains and torments the humanity is moving to its integrity and Homo sapiens becomes more humane and reasonable. There is no any alternative to this.

Alexei Baranovsky
(Moscow State University, Russia),
Sec. 16

PHILOSOPHY OF THE HISTORY OF SCIENCE -
SCIENTISM IN THE COUNTER-ATTACK.

The triumph of hermeneutic orientation in contemporary philosophy of civil history couldn't interrupt the spreading of scientism in such border discipline as philosophy of the history of science which lays between the philosophy of science and philosophy of history. The reason for the spread of scientism in philosophy of the history of science are in the nature of the main questions of the above discipline. There are the questions of reconstruction of old scientific texts from the positions of contemporary scientific language and theories (i.e. the presentist and antiquitist positions here are possible), the attempts to find the regularities in the development of science, or in the more broad frame - to make the rational reconstructions of the history of science, the problems of periodization in the history of science. From the point of view of standard-thinking historian (and from those of the historians of science who have the background in civil history or in linguistic) this is the strange position, but such position is the essence of the mentioned discipline. I suppose to talk more carefully about the rational orientations in the philosophy of the history of science, its positive and negative features.

Section 16

L.A. Markova

Institute of Philosophy

Russian Academy of Sciences

POSSIBLE FORMS OF HISTORICAL RECONSTRUCTION

Historiography of Science

When producing historical reconstruction of the **empiricist, inductivist, progressivist type**, the historian aims at organizing the facts under consideration. The development from the past to the future (they both are infinitely remote from us) goes in compliance with laws which are universal. History should become an exact science like mechanics or astronomy (A. Comte, H. Buckle, E. Mach, P. Duhem). Here arises a problem: Ideally such investigation turns into a logical exercise, the general absorbs the concrete.

In the 20-th century, especially in its second half, there came into being historians of a new type (I mean first of all **case studies**). The changes which are taking place now in historical thinking presupposes transformation of the initial ideas of historical reconstruction, such as logical universality, historical reality, continuity and discontinuity, the general and the particular and so on. The main question raised by the historian is formulated as "how did this historical development become possible?" (not "how was it in reality?"). The return to the beginnings means (as though going through a reformation of the given individual event. Revealing all possibilities and realizing the fact that only one of them was implemented, allow us to identify the event under consideration as unique, peculiar, as differing from others, as one of many possible events.

Section 16. **Philosophy of History - Tatyana Blagova**
Russian Cultural History (1838-1848)
Dispute of Slavophiles and Westernizers

The view of history was disputed by the Slavophiles and Westernizers. Progress was a key notion for Westernizers such as Belinsky, Herzen, Oqarev, Botkin, Annenkov and Turgenev. The chief beneficiary of progress was considered to be enlightened individuals. By emulating Western European culture, Russian society could achieve the progress and emancipation of the individual that they sought.

According to the Slavophiles, on the other hand, (Homjakov, Kirevsky, Alesakov, Samarin), autonomy and secularization could result in individualism, permissiveness and the fragmentation of society. Homjakov -- who wrote About the Old and the New, On Account of Humbolt, About the Possibility of Russian Art School, and About the Peasant Commune -- and Kirevsky -- who wrote The Nineteenth Century, In Reply to A.S. Homjakov, and The Review of Contemporary Literature -- posed the question of Westernization and its relation to Russian spiritual history. Catholicism deviated from genuine Christianity when it accepted the authority of the Pope. Protestantism fell into another extreme, namely that of rationalism and individualism. Christian love was replaced by the struggle for survival. The spiritual interests were extinct in European Enlightenment. Westernization represents the idealization of material production and self-interest, the loss of religious belief and the split of consciousness.

Already in the period of the 'Marvelous Decade' (1838-1848), Homjakov and Kirevsky spoke in favor of the restoration of the original Christian Church of the first century and the embodiment of its principles in a new type of society -- Christian fellowship or 'Sobornost'. Sobornost is the core of Slavophile's philosophy (gnoseology, anthropology, aesthetics, and the philosophy of history). In terms of philosophy, Sobornost means a free community of people united by a common Orthodox faith which insures a wholeness of personality and achievement of truth. Sobornost means reconciliation through Christian love between the freedom of an individual and togetherness. The concept suggests the inadequacy of European education with its idealization of rationalism, individualism and the cult of industry. Sobornost accounts for the role of Russia and her contribution to the culture of humanity.

In his letter to Samarin in 1845, Homjakov stressed that the Slavophiles would not live to see 'the harvest' of their labors. Their target was to plough the land and sow seeds. After the Emancipation Reform in 1861, Western values (such as liberalism, the cult of technological progress, and self interest) succeeded in mass consciousness the ideal of Sobornost. but the developments in history proved that Slavophiles were not only adherents of Utopian projects but prophets whose predictions came true in the 20th century.

Секция № 16

Керимов В.И. Институт человека РАН

Москва, Россия

Две тенденции в русской религиозной историософии.

Вышеуказанные две тенденции можно персонафицировать через имена А.С.Хомякова и К.Н.Леонтьева.

Для первого из них позитивным в истории представляется состояние единства. Ход исторического процесса он изображает в виде двух ветвей: нисходящей (постепенная утеря единства человечества) и восходящей – восстановление этого единства. Из этой концепции логически вытекает идеал грядущего тысячелетнего христианского царства (хилиазм).

В противоположность Хомякову К.Н.Леонтьев делает упор на разнообразие. Для него движение к единообразию есть вырождение человечества. Поэтому, особенно в поздних своих работах, Леонтьев повторяет мысль, что грядущее "усреднение" человечества ведет к царству Антихриста.

Хилиастические и апокалиптические мотивы получили в дальнейшем развитие в русской историософии.

РЕTROSPECTIVA УТОПИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Утопический элемент по-разному проявляется в историческом развитии. Так, рациональный подход к сфере общественных отношений позволил создать социальную утопию. Она явилась мысленной попыткой добиться конечного государственного устройства, лишенного противоречий. Наряду с продуктом рационализма, социальной утопией, утопическое сознание проявляется и в виде милленаризма, который не выдвигает четкой программы социального устройства и основан на эсхатологических ожиданиях. В западно-европейской культуре к началу XX века утопический элемент воплотился в создание социальных утопий в большей степени, нежели в милленаристские устремления. Но рационализм, благодаря которому сформировалась социальная утопия, оставил ее на уровне абсолютного общественного идеала, придав ей тем самым созидательную направленность. В России в начале XX века преобладающим был милленаристский тип утопического сознания. Здесь противоречие между преобладающим хилиазмом в сознании широких масс и внедрением коммунистической утопии в практику сказалось на судьбе исторического процесса. Сегодня также остро стоит вопрос о перспективах развития. Он отражается и в утопическом сознании. Что будет в нем доминировать: милленаризм или рациональное понимание социальных утопий как абсолютного общественного идеала?

ЧЕЛОВЕКОМ ПОТОМ И ПРЕСКОХИТЕМ ТОВА, КОТОРОМУ...

хотя бы и не в полной мере, но в значительной степени. Это, конечно, не означает, что в настоящее время не существует ни одной области, в которой бы не было необходимости в изучении истории. Напротив, в настоящее время история является одной из самых актуальных областей знания. Это связано с тем, что в настоящее время мы живем в эпоху, когда границы между различными областями знания стираются, и мы сталкиваемся с проблемами, которые требуют комплексного подхода. Поэтому изучение истории является не только интересным занятием, но и необходимым для понимания современного мира.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР

Заров Д.И., г.Саратов

Каждое общество, взятое в единстве всех его условий и характеристик, исторического прошлого и перспектив будущего развития, выступает как особая целостная культура. Существующие типы культур, взяв за основу способ социального кодирования и опредмечивания, освоения, распредмечивания и реализации социальности, сводятся к четырём основным: культурам синкретического, традиционалистского, универсального и биполярного типов. На их основе строятся соответствующие цивилизации.

Культура биполярного типа возникает на основе соединения двух различных способов социального кодирования – профессионально-именного и универсально-понятийного, сочетая противоположные типы культур. Она представляет собой российскую цивилизацию.

Две противоположные основы, возникшие на этапе становления национального самосознания, – бытие в качестве восточного царства и бытие в качестве евроориентированного общества, – обуславливают одновременное существование противоположных архетипов деятельности, ментальности, способов выражения социальности, порождают нигилизм на всех уровнях общества, в том числе и нигилизм в отношении феномена свободы.

Секция I6.

КРАПИВЕНСКИЙ С.Э. (Россия)

К МНОГОМЕРНОМУ ВИДЕНИЮ ИСТОРИИ

В докладе анализируются прошедшие в последние годы дискуссии о формационном и цивилизационном, выделяются два этапа в этом дискуссионном процессе: на первом – речь шла о некоторых, хотя и существенных, уточнениях марксистской теории формаций (в связи с дискуссиями о т.н. азиатском способе производства, о рабовладении и феодализме как единой формации и т.д.); на нынешнем – ставится под сомнение само право этой теории выступать в качестве парадигмы, лежащей в основании научного понимания истории, делается попытка замены формационной парадигмы крупномасштабного членения исторического на цивилизационную.

Доклад прослеживает реальную и осязаемую взаимосвязь между формационным (с его экономическим базисом) и цивилизационным (с его технико-технологическим базисом), что делает возможным синтез двух парадигм и, как следствие, – более многомерное видение истории. Со стороны "формационщиков" и "цивилизационщиков" требуется обоюдное движение к синтезу. В частности, "формационщикам" предстоит наверстать отставание марксизма в разработке проблем, связанных с цивилизацией, а "цивилизационщикам" – включить достижения формационного подхода в объяснение причин и механизмов перехода от одной ступени цивилизации к другой.

ГОМАЮНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (Кировский педагогический институт)
ОТ ИСТОРИИ СИНЕРГЕТИКИ К СИНЕРГЕТИКЕ ИСТОРИИ

В рамках современной парадигмы науки происходит активное становление синергетики как междисциплинарного направления, охватывающего принципы саморазвития открытых систем любой природы. Происходит отягивание в сферу синергетики и социальной проблематики, что привело к появлению исторической синергетики.

Понятие "историческая синергетика", во-первых, означает возможность построения синергетических моделей истории как прошлого через механизмы эволюции и бифуркации. Точки бифуркации актуализируют роль случайности (человеческого фактора) в истории. Выявляя индивидуальный паттерн исторического развития социума, синергетика переносит в плоскость научного исследования философии проблемы типа "судьба России".

Синергетика позволяет учитывать детерминированность исторического развития всеми свойствами системы, в том числе, степенью ее замкнутости системы.

Таким образом, историческая синергетика понимается как особый стиль научного мышления, создающий условия для диалога исторической науки не только с другими научными дисциплинами, но и с вненаучными формами познания мира.

Секция №16: философия истории

ГЕНДИН АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ /Красноярский пединститут/

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ КАК КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Разработка категориального аппарата философии истории требует уточнения понятий социального прошлого, настоящего, будущего, что имеет важное методологическое значение для общественно-исторического познания.

В работе с позиций научного социального детерминизма, в частности с позиций деятельностного подхода, выявляются онтологические основания временных модусов "прошлое", "настоящее", "будущее" в общественной жизни, раскрывается их диалектическая взаимосвязь в развитии социума.

Обосновывая объективную реальность прошлого, как "арьергарда", сошедшей с исторической арены социальной системы, ее отдельных сохраняющихся в рамках настоящего элементов, мы вычленим и характеризуем такие основные его виды, как 1/актуально-реальное прошлое, 2/мемориальное прошлое и 3/социальную память.

Значительное внимание уделяется обоснованию реальности социального будущего, которое выступает как "авангард" новой системы общественных отношений и институтов, зарождающихся в недрах современной действительности. В работе анализируются содержание и взаимоотношение таких форм социального будущего, "пребывающего" в настоящем, как 1/актуально-реальное будущее, 2/потенциально-реальное будущее, 3/реально-возможное будущее, 4/планируемое будущее.

РАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

(Идеи исследовательской программы) Н. С. Розов

Для ответственного осмысления и выбора путей выхода из современного кризиса цивилизация нуждается в рациональной философии истории. Сформулированы **принципы рациональной философии истории**: принцип Берталанфи-Баллерстайна (опора философии истории на теоретическую историю, использующую единый понятийный аппарат социальных наук), принцип Коллинзбуда (опора на эмпирическую историю, понимание знания как ответов на четко поставленные вопросы), принцип Поппера (выдвижение и проверка положений на основе гипотетико-дедуктивного метода), принцип Риккерт-Вебера (систематическая ценностная рефлексия выбора направления исследования и отношения к содержанию), принцип "золотой курицы" (метод мышления в философии истории важнее, чем результат). Выделено пять групп **вопросов к рациональной философии истории**: о причинах истории, о структуре истории, о смысле и цели истории, о месте современности в истории, о практических выводах из данной картины философии истории. Определены основные этапы исследовательской программы, исходные идеи о "логиках" функционирования в крупных исторических эпохах, о "логиках" переходов между ними через действие мегатенденций, о множественности и открытости *смыслов истории*.

Конец истории как метафизическая проблема

Получение значительных результатов в работах Ф.Фукуямы (ОША) о конце истории показали склонность многих историков и философов к осмыслению разных уровней решения этой проблемы, что методологически неустойчиво. Не общеполитологический (метафизический) подход имеет специфические смысл и ценность и не может быть редуцирован к политическому, технологическому, экологическому и др. уровням (что не исключает их во взаимодействии).

Главными метафизическими парадигмами конца истории представляются концепциями Канта и Гегеля. Идея "конца суевого" Канта несет негативный характер и практически означает утрату моральности. В этом смысле конец истории у Канта не оптимистичен, а экзистенциален, он реален как нормативный принцип практического разума. Среди важнейших модификаций Кантовской модели наиболее интересна неклассическая экзатология И.Тиллиха. Гегель видел историю имманентной целью – реализацией свободы. Проблема конца истории – это проблема полноты свободы. К ее решению Гегель подходит с позиции своего понимания диалектики конечного и бесконечного. Текстологический анализ показывает, что философия Гегеля была о конце исторического развития несомненно. Гегелевская модель актуальна для анализа игнорируемой ныне проблемы исторического прогресса.

Смена двух типов культуры, двух дивергентных
парадигм мышления.

В работе предпринята попытка выяснить различие двух типов культуры по структурно-знаковому основанию /смена парадигм мышления/ и механизм воспроизводства социальных отношений в смене поколений, передачи от поколения к поколению накопленного обществом знания, социальных институтов, сложившихся форм деятельности. Отчуждение такой "суммы обстоятельств" в знаке даёт науке возможность, во-первых: формализовать проблему контакта поколений, перейти от постановки проблемы и её констатаций к научной экспликации её смысла, то есть к конкретному изучению механизмов социального кодирования и наследования, к проблеме воспроизводства социальных отношений в смене поколений, передачи от поколения к поколению накопленного обществом знания, социальных институтов, сложившихся форм деятельности, - иначе, социальной памяти, и во-вторых, даёт возможность представить типологические различия культур по структурно-знаковому основанию, то есть более глубоко понять меру их сходства и различия, специфику исторического развития в различных культурных типах. Сделанный мною анализ "олимпийской" парадигмы мышления показывает, что рабочая структура парадигм деятельности традиционных культур даже не в состоянии включать инициативное, личностное, творческое начало, отличное от предыдущих множественных и единых "я", ибо его наличие в структуре неизменно ломает старую парадигму жизнедеятельности и заставляет формироваться новую, с учётом новационных сдвигов-контуров /см. мои работы/. А сейчас я готовлю к публикации свою рукопись книги: "Сравнительно-культурологический анализ дивергентных парадигм мышления и жизнедеятельности у истоков культурного мира человека на Западе и Востоке".